

Д. А. Авдеев

КОНСТИТУЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО НАРОДОВЛАСТИЯ

В настоящее время при рассмотрении демократических начал российской государственности на первый план выходят проблемы легитимности осуществления публичной власти. Декларируется, что единственным источником власти является многонациональный народ, но непонятно, что, собственно, следует понимать под «народом» в строго юридическом смысле. В статье с применением сравнительно-правового, логического и формально-юридического методов, метода моделирования проанализированы положения конституций стран постсоветского пространства, а также нормы конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, провозглашающие принцип народовластия.

Выявлено, что в законодательстве наряду с понятием «народ» используются термины «население», «нация», «избиратели». При этом данные понятия подменяются, что не совсем верно. В статье понятие «народ» рассматривается с конституционно-правовых позиций. Автор приходит к выводу, что это понятие является неоднозначным и совпадает по смыслу с понятием «избиратели».

В связи с этим автор поднимает вопрос о юридическом понимании содержательной части термина «народ» с учетом современного российского законодательства. Также подчеркивается, что следует различать участие народа в управлении делами государства (федеральный и региональный уровни) и участие народа в публичном управлении (местный, муниципальный уровни) с использованием установленных законодательством форм и институтов демократии. При этом субъектный состав участников указанных уровней публичного управления различается и не совпадает с универсальной категорией «избиратели».

Ключевые слова: народ, нация, государственная власть, избиратели, демократия, электорат, легитимность, конституция

Известно, что понятие «народ» используется в разных отраслях гуманитарных наук, при этом его содержание заметно различается. К примеру, в юридической науке до сих пор продолжают дискуссии относительно содержания и критериев разграничения, казалось бы, схожих по значению понятий «народ», «нация», «народность». Так, слово «нация» часто трактуют не как обозначающее принадлежность людей к какой-либо социальной общности, основанной на языковых, культурных, территориальных, исторических и иных признаках, а как «народ, имеющий собственное государство». Именно в таком смысле употреблено это слово в названии международной организации ООН – Организация Объединенных Наций. Нельзя не согласиться с А. Н. Мочаловым, отмечающим, что слово «нация» в политической риторике «может в одних случаях наполняться этническим содержанием, в других случаях употребляться во внеэтническом контексте. Но всякая нация (в каком бы значении мы данный термин ни использовали) предполагает общность, существующую, как представляется, в трех измерениях: простран-

ственном (территориальном), культурном и политическом» [Этничность. Культура. Государственность 2014: 46].

Полагаем, что полемика о юридической конструкции и содержании понятий «нация», «национальность», «этнос» изначально является утопичной и обречена на провал. Это как пытаться сформулировать юридическую дефиницию понятия «семья». Поэтому полагаем, что нужно не добиваться юридической точности определения указанных терминов, а исходить из их смысла при регулировании конкретных общественных отношений.

Возьмем, в частности, право гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность и обязанность третьих лиц не принуждать гражданина к определению и указанию своей национальной принадлежности. Данное право предоставляет человеку возможность самостоятельно идентифицировать свою национальность исходя из сложившихся жизненных ситуаций. Хотя, думается, человек может и просто заявлять, что он принадлежит к какой-либо национальности, не имея к ней

фактически никакого отношения. Условно говоря, родившись в русской семье, где мать и отец по национальности русские, согласно ст. 26 Конституции РФ человек может заявить, что он, к примеру, белорус.

Полагаем, что национальная идентичность гражданина Российской Федерации несколько не умаляет его социокультурную, историческую, территориальную общность с иными российскими гражданами. Напомним, что именно преамбула Конституции РФ говорит о такой общности российских граждан вне зависимости от каких-либо иных критериев и показателей, подчеркивая, что многонациональный народ Российской Федерации соединен общей судьбой на своей земле, утверждает права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняет исторически сложившееся государственное единство, исходит из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтит память предков, передавших любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождает суверенную государственность России и утверждает незыблемость ее демократической основы, стремится обеспечить благополучие и процветание России, исходит из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознает себя частью мирового сообщества.

Подобная характеристика, по нашему мнению, как раз и позволяет говорить о том, что, несмотря на национальную принадлежность гражданина Российской Федерации, он должен осознавать себя соучастником российского социума, его неотъемлемой частью, носителем определенной политико-правовой культуры. В связи с этим конституционно-правовая политика должна исходить из концепции единства современного российского общества, в котором каждый, независимо от тех или иных особенностей конституционно-правового статуса, тех или иных отличительных характеристик социального положения, относится к одинаковой для всех лиц категории – граждане России. Следовательно, конституционно-правовая политика межнациональных отношений должна осуществляться исходя из принципа единства многонационального народа России, его сплоченности, общности интересов и ответственности за будущее своего общества и государства. Поэтому Конституция РФ закрепляет, что именно многонациональный народ является источником власти в Российской Федерации.

Подавляющее большинство конституций Нового и Новейшего времени провозглашают принцип народовластия, что соответствует атрибутивным признакам правового государства. Подобные положения придают демократический

характер деятельности различного рода органов власти и управления, выступающих от имени и во имя народа. Принцип народовластия получил закрепление в конституциях всех суверенных государств, образованных на постсоветском пространстве, став, по сути, вектором, определяющим их стратегическое конституционное развитие.

В конституциях стран-республик бывшего СССР народовластие провозглашается как основа организации государственной власти, при этом указывается, что именно народ является единственным источником власти и носителем суверенитета, осуществляющим ее в тех или иных формах. Подчеркивается недопустимость присвоения или насильственного захвата власти отдельным лицом или группой лиц, приостановления или прекращения деятельности органов публичной власти антиконституционными (не предусмотренными конституцией) мерами и способами.

Так, согласно ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Кыргызстан народ является носителем суверенитета и единственным источником государственной власти. Аналогичное положение содержится в абз. 1 ст. 5 Конституции Украины и ч. 1 ст. 3 Конституции Республики Беларусь. Статья 1 Конституции Армении провозглашает, что вся власть в Республике принадлежит народу. В ст. 1 Конституции Эстонии устанавливается, что носителем верховной власти выступает народ. В соответствии со ст. 2 Конституции Латвийской Республики суверенная власть государства принадлежит народу Латвии. Конституция Грузии устанавливает, что источник государственной власти – народ (ч. 1 ст. 5).

Примечательно, что конституции Узбекистана (ст. 8) и Таджикистана (ст. 6) устанавливают, что народ составляют граждане Республики независимо от их национальности. Конституция Азербайджана также поясняет, что следует понимать под народом как единственным источником государственной власти: это граждане Азербайджанской Республики, проживающие на территории Республики и за ее пределами, рассматривающиеся как подвластные Азербайджанскому государству и его законам, что не исключает нормы, установленные международным правом. Суверенитет народа Азербайджана проявляется в его праве свободно и независимо определять свою судьбу и учреждать свою форму правления.

По нашему глубокому убеждению, следует все-таки различать лиц, имеющих юридические полномочия на участие в осуществлении государственной власти непосредственно через институты прямой демократии, и лиц, обладаю-

щих полномочиями на участие в осуществлении публичной власти. В первом случае речь идет, по сути, об избирателях, во втором же – о лицах, наделенных политическими правами по публичному управлению. Так, согласно ст. 5 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» организатором митингов и собраний может быть лицо, достигшее 16-летнего возраста, что является исключением из общего правила. Участниками территориального общественного самоуправления (местный уровень) также могут быть лица, достигшие 16 лет.

Таким образом, конституционный принцип народовластия означает легитимность образования и функционирования органов государственной власти. Однако конституционные положения о демократической организации власти теряют всякий смысл, если они не подкреплены в дей-

Расхождение между юридическим провозглашением принципа народовластия и действительностью подрывает авторитет конституции

ствительности «народной волей». Образование (формирование) органов публичной власти осуществляется на основе доверия большинства избирателей, выразивших свои политические убеждения и пристрастия посредством выборов, референдума и иных институтов и форм демократии. Следовательно, народовластие есть конституирующее начало в организации и деятельности органов публичной власти различного уровня.

Известно, что, принимая конституцию, политическая элита стремится юридически закрепить сложившуюся в государстве организацию публичной власти, основываясь прежде всего на легитимности своей деятельности. Как показывает опыт, расхождение между юридическим провозглашением принципа народовластия и действительностью подрывает авторитет конституции, а это, в свою очередь, может означать фиктивный характер органов народного представительства, как следствие – утрату народного доверия и самоустранение граждан от участия в делах государства, что может проявляться в абсентеизме и игнорировании (неиспользовании) каких-либо форм демократии.

Как верно указывает И. А. Исаев, «легитимность поэтому есть достаточное соответствие установленного порядка политическому властному требованию и политическим представлениям подвластных, в связи с чем по своей

значимости она стоит явно выше легальности, т. е. формальной по сути законности, легальность же остается в этой связи не более чем процедурным оформлением данного порядка» [Исаев 2012: 5–6].

Проблема народовластия, его практическая направленность в юридической литературе обсуждается давно, неоднократно предпринимались попытки рассмотрения народа как субъекта государственно-правовых властеотношений. Тем не менее вопрос о том, что следует понимать под «народом» с сугубо правовой позиции, остается открытым. Более того, к числу юридически тупиковых относится проблема определения правосубъектности народа. В частности, вызывает затруднение вопрос относительно момента возникновения правоспособности и дееспособности народа как субъекта публичных отраслей права (конституционного и муниципального в частности), а также соотношение объекта и субъекта управления в данном контексте [Авдеев, Нифантьев 2016].

Не вызывает сомнений, что правосубъектность народа как особого субъекта права существенно отличается от правосубъектности как юридических, так и физических лиц. Однако на современном этапе при приоритетном формировании модели партисипативной демократии в России [Крольман 2014] возникает потребность в исследовании категории правосубъектности применительно к понятию «народ», которое с юридической позиции аккумулирует в себе две функциональные составляющие. С одной стороны, народ рассматривается как источник власти, с другой – является субъектом, непосредственно ее (власть) реализующим. По верному замечанию В. С. Основина, «именно народ в рамках государственно-правовых отношений выступает первичным источником всех прав и обязанностей, а само по себе позитивное право является государственным выражением воли народа» [Основин 1965: 33].

Как субъект государственно-правовых отношений народ стал рассматриваться с возникновением теории народного суверенитета. Именно теория суверенитета и его разновидностей (народного, государственного, национального) оказала существенное влияние на исследование народа как первоисточника властеотношений. Как пишет Ж. И. Овсепян, «суверенитет народа означает, что он является обладателем (исключительным субъектом) права на особый вид государственной власти – учредительную власть и субъектом публичного права – прежде всего права верховной законодательной власти в государстве. Суверенное право народа на суверенную власть подразумевает, в частности,

что только народ как высшая инстанция может принимать решение о выборе новой формы правления, о наилучшей организации высшей (верховой) власти и т. д. Признание суверенитета народа предполагает также признание его субъектом двух видов правоотношений: так называемых общерегулятивных отношений (под которыми в научной теории понимаются устойчивые, длящиеся отношения, не определенные (не ограниченные) во времени, отношения-состояния) и конкретных конституционно-правовых (государственно-правовых) отношений, связанных с осуществлением форм непосредственного народовластия (выборы, референдум, плебисциты и др.)» [Овсеян 2017: 20].

По справедливому замечанию Л. А. Морозовой, «малопродуктивным, а главное – практически неоправданным представляется установление иерархии понятий народного, национального и государственного суверенитетов. Эти политико-правовые категории являются самостоятельными, относятся к различным сферам государственной и общественной жизни, сосуществуют и взаимно дополняют друг друга, однако не способны к взаимозамещению. Без государственного суверенитета невозможен народный суверенитет, поскольку не будут определены пределы его реализации. Национальный суверенитет не всегда воплощается в государственном суверенитете. Вместе с тем государственному суверенитету необязательно предшествует суверенитет народа именно как установление народовластия. И хотя в конституциях многих государств декларируется суверенитет народа, однако существуют государства (главным образом монархической формы правления и теократической типологии), где народовластие не только фактически отсутствует, но даже формально не провозглашается» [Морозова 2017: 57–58].

Итак, народовластие означает юридическое закрепление за гражданами соответствующей страны возможности решать вопросы общественной и государственной жизни, принимая участие в этих процессах как непосредственно, так и опосредованно. Однако возникают вполне справедливые вопросы: что же такое народ в юридическом смысле? Какой смысл вкладывается в данное понятие? Кто является фактически обладателем полноты власти? Что представляет собой источник власти? Попытаемся ответить на обозначенные вопросы.

Приводимые в юридической литературе дефиниции понятия «народ» закрепляют общие признаки, к числу которых можно отнести проживание на соответствующей территории и гражданство. При этом гражданство считается

чуть ли не главным критерием для идентификации народа как источника власти.

К примеру, Л. С. Мамут рассматривает народ как «исторически возникшую на определенной территории устойчивую совокупность людей с общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также осознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксируемым в самоназвании» [Мамут 2000: 190].

М. С. Матейкович и В. В. Воронин понимают народ как «совокупность граждан государства, связанных общими интересами долгосрочного характера в экономической, внутриполитической, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах» [Матейкович, Воронин 2007: 87].

По мнению Е. А. Казьминой, народ представляет собой «совокупность граждан Российской Федерации вне зависимости от места их проживания, а также (если вести речь о политико-правовом аспекте этой категории) иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, обладающих политическими правами и выражающих свою политическую волю в отношении Российской Федерации» [Казьмина 2011: 14].

Однако следует учитывать, что к юридической категории «народ» относятся не все граждане, а лишь те, кто обладает избирательными правами. Иными словами, правом участвовать в управлении делами государства обладают только избиратели, которые, по сути, составляют лишь часть многонационального российского народа. Как известно, российские граждане, которые признаны недееспособными, несовершеннолетние, а также лица, осужденные и отбывающие наказание в местах лишения свободы, не обладают политическими правами и свободами, не включаются в избирательный корпус. Следовательно, «именно избирательный корпус – электорат – и является той легитимирующей силой, которая и именуется как единственный источник власти» [Авдеев 2015: 26].

Заслуживает поддержки мнение Ю. Н. Лебедевой, которая обосновывает «несостоятельность выделения в качестве субъектов избирательного процесса нормоучредительных участников выборного процесса, к числу которых отнесен народ Российской Федерации» [Лебедева 2003: 9].

Как справедливо отмечается в литературе, «когда мы говорим, что народ принял конституцию, мы имеем в виду, разумеется, ту часть граждан, которые имели реальную возможность

изъявить свою волю при принятии основного закона, т. е. тех, кто обладал избирательным правом на момент голосования или принятия неотрезированной конституции в иной демократической процедуре. Решение народа на голосовании представляет собой сумму волеизъявлений всех тех, кто в этот народ входит. „Нация“, в отличие от „народа“, предполагает акцент не на юридической сумме индивидуальных волеизъявлений, а на определенном социальном единстве всех граждан государства, включая тех, кто не имеет избирательных прав (несовершеннолетние, недееспособные, осужденные к лишению свободы и т. д. – юридически они не являются частью народа, но являются полноправными членами нации)» [Этничность. Культура. Государственность 2014: 50–51].

Для признания принадлежности лица к народу одного лишь наличия у него гражданства государства недостаточно: оно должно также обладать возможностью осуществлять политические права и свободы

Таким образом, народ как единственный источник власти в сугубо юридическом смысле представляет собой совокупность избирателей, которые по российскому законодательству вправе участвовать в государственном управлении, используя весь арсенал предоставляемых средств и способов.

По нашему убеждению, гражданство не выступает тем «правовым мерилом», которое позволяет утверждать, что народ обладает властными полномочиями в сфере публичного управления. Напомним, что иностранные граждане по российскому законодательству вправе участвовать в муниципальных выборах и местном референдуме. В связи с этим возникает вопрос: если иностранные граждане правомочны участвовать в решении вопросов местного значения через институты непосредственной и представительной демократии, то можно ли в таком случае включать данных лиц в категорию «народ» и рассматривать их как источник власти? Они участвуют в муниципальном управлении (как разновидности нижнего уровня публичного управления) и могут быть непосредственными участниками публичного управления, однако как участники государственного управления верхнего уровня – федерального и регионального (субъектного) – они не рассматриваются, так как не наделены соответствующими правами и свободами.

Как видим, для признания принадлежности лица к народу одного лишь наличия у него

гражданства государства недостаточно: оно должно также обладать возможностью осуществлять политические права и свободы. Только в этом случае можно включать данных лиц в понятие «народ» в сугубо юридическом смысле. Следовательно, в публичном управлении на муниципальном, региональном (субъектном) и федеральном уровнях принимает участие различное количество граждан (в данном случае мы говорим обо всех избирателях, а не о том, что не все избиратели участвуют, к примеру, в выборах или не все используют иные формы прямой демократии). На федеральном и региональном (субъектном) уровнях участвовать в управлении могут только граждане Российской Федерации, в то время как на муниципальном уровне допускается участие иностранных граждан, обладающих в соответствии с федеральным законодательством и международным договором правом участвовать в выборах в органы местного самоуправления и местном референдуме.

Примечательно, что используемые в законодательстве термины «народ», «население», «жители», «избиратели» с юридической точки зрения несут разную смысловую нагрузку. Порой данные понятия смешиваются или отождествляются, что является некорректным.

Конституции и уставы субъектов Российской Федерации, как правило, называют источник власти. В частности, Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 г. устанавливает, что источником власти в Республике выступает ее народ, являющийся частью многонационального народа Российской Федерации (ч. 1 ст. 2). Согласно Уставу Санкт-Петербурга 1998 г. источником власти признаются жители Санкт-Петербурга (ч. 1 ст. 4). В Уставе города Москвы 1995 г. ст. 3 именуется «Население города Москвы», при этом под жителями города Москвы (москвичами) понимаются граждане Российской Федерации, имеющие место жительства в Москве, независимо от сроков проживания, места рождения и национальности. Часть 2 устанавливает, что население Москвы составляют ее жители, а также иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно или временно проживающие на территории Москвы. Согласно ст. 10 Устава Калужской области 1996 г. «источником государственной власти Калужской области являются ее жители». Статья 8 Устава Алтайского края 1995 г. называется «Население Алтайского края», его составляет исторически сложившаяся многонациональная общность граждан Российской Федерации, постоянно или преимущественно проживающих на территории края. В соответствии со ст. 4 Устава Ставропольского края

1994 г. источником государственной власти в крае является его население. Аналогичное положение содержит ст. 1 Устава Московской области 1996 г. В Уставе Мурманской области одновременно говорится и о населении, и о народе области (ст. 6 и 9). Часть 1 ст. 3 Устава Свердловской области единственным источником власти признает народ. В Уставе Ростовской области 1996 г. (ч. 1 ст. 3) используется словосочетание «сообщество граждан», от имени которых осуществляется собственная власть субъекта Российской Федерации.

Изложенное позволяет говорить, что понятие «народ» по юридическому содержанию отличается от понятия «население». В понятие «население», используемое в большей мере наукой муниципального права, включаются российские и иностранные граждане, а также лица без гражданства. Повторим, что при определенных условиях иностранные граждане имеют право принимать участие в местных (муниципальных) выборах и в местном (муниципальном) референдуме.

Как мы уже говорили, следует различать участие народа в государственном и негосударственном управлении, рассматриваемых как две сферы публичного управления. В широком смысле под публичным управлением понимается участие граждан с помощью различных форм и средств (способов) в процессе избрания в органы публичной власти различного уровня, а также участие в так называемых публичных мероприятиях (митингах, шествиях, собраниях, демонстрациях и пикетированиях). В узком смысле публичное управление трактуется как участие лиц не в государственном управлении как таковом, а в решении вопросов местного (муниципального) значения.

«Публичная власть, – пишет А. А. Югов, – по своей сущности и в потенциальном своем состоянии является единой и целостной, а в динамичном состоянии, когда она воздействует на реальные общественные отношения в конкретной социальной среде, функционирует как многоэлементный и дифференцированный на составные части политический феномен» [Югов 2017: 8]. На основании анализа законодательства он дифференцирует публичную власть по вертикали на пять уровней: международно-правовой (надгосударственный), федеральный, региональный, муниципальный и локальный.

Раз есть дифференциация публичной власти, то такую же дифференциацию нужно предусмотреть и для непосредственных ее участников. По верному замечанию В. Е. Чиркина, «население, жители, сообщество граждан субъекта РФ рассматриваются как часть многонационального

народа РФ; сообщество людей в субъекте РФ – это народ субъекта РФ. Формулировка „народ субъекта“ более верна, чем понятие жителей или населения, которые „не имеют точной конституционной, публично-правовой характеристики“. Термин „сообщество граждан субъекта РФ“ тоже неудачен, ибо субъекты РФ не имеют собственного гражданства» [Чиркин 2011: 10].

Можно прийти к выводу, что источником власти (в государственном управлении как разновидности публичного управления) следует считать не весь народ, а лишь ту часть, которая именуется *избирателями*. При этом, как известно, не все избиратели реализуют свои политические права и свободы, принимая, в частности, участие в голосовании на выборах тех или иных органов власти, поэтому фактически процент (или же качественный объем) народа становится не таким уж и большим, что позволяет ставить под сомнение легитимность образованных в их ходе государственных органов. Прошедшие 18 сентября 2016 г. парламентские выборы – тому подтверждение (явка избирателей составила около 48 %).

Одним из главных качественных критериев включения лица в понятие «народ» в сугубо юридическом смысле является его возраст. Как нам кажется, активное избирательное право должно возникать в 21 год, а не в 18 лет. Наша позиция строится на следующих фактах. Восемнадцатилетний гражданин не имеет достаточного жизненного опыта, соответствующего образования, которое позволило бы ему на должном уровне разбираться в вопросах политики и публичного управления государством. Степень социализации не дает возможности достаточно адекватно и объективно оценивать происходящие события социально-экономической и политико-правовой направленности. Следует отметить, что высказываются и другие предложения о минимальном возрасте обладателя активного избирательного права. В частности, М. А. Краснов, выступая с докладом «Избиратель как должность» на одной из научно-практических конференций, предложил повысить минимальный возраст обладания активным избирательным правом до 23 лет [Краснов 2017].

Понимаем, что наше предложение небесспорно и в настоящее время не соответствует положениям федерального законодательства. Однако считаем, что повышение минимального возраста обладателя активного избирательного права может послужить основой для повышения качества самого избирателя как непосредственного участника публичного управления. При этом мы предлагаем сохранить различный возрастной «ценз» для участия в публичном управлении на разных его уровнях.

Заслуживает одобрения и поддержки высказываемая в науке позиция относительно дифференцированного подхода к установлению ограничений пассивного избирательного права российских граждан. Так, законодатель предусмотрел запрет на участие в выборах граждан, осужденных за те или иные виды преступлений, установив еще и срок, в течение которого они не могут воспользоваться таким правом. В связи с этим В. Б. Евдокимов предлагает не устанавливать такой запрет для граждан, признанных судом виновными в совершении по неосторожности преступлений небольшой и средней тяжести. Это позволит, по словам В. Б. Евдокимова, «минимизировать вероятность криминализации публичной власти и будет способствовать повышению уровня доверия граждан страны к органам государственной власти и органам местного самоуправления в Российской Федерации» [Евдокимов 2017: 48].

В заключение отметим, что юридическая трактовка народовластия нуждается в пере-

осмыслении с учетом вышеназванных обстоятельств и условий, а также в осознании отличий участия граждан в публичном управлении на различных уровнях, что предполагает особый дифференцированный подход и соответствующее законодательное закрепление. Только в этом случае мы сможем уйти от юридически аморфного и неконкретизированного понятия «народ» и перейти к конструктивному юридическому установлению параметров и критериев правосубъектности народа и конкретных носителей источника публичной власти – граждан. Считаем некорректным юридически отождествлять понятия «народ» и «избиратели», более того, смешивать их с иными понятиями, такими как «жители» и «население». Представляется целесообразным использовать в законодательстве понятие «избиратели», а в идеале заменить им термин «народ», имеющий в настоящее время скорее схоластический характер, нежели сугубо юридический...

Список литературы

- Авдеев Д. А. Избиратели как источник власти, или юридическое измерение категории «народ» // Современное право. 2015. № 11. С. 25–30.
- Авдеев Д. А., Нифантьев С. Ю. «Народ» как субъект государственно-правовых отношений: конституционный парадокс или власть подвластного? // Современное право. 2016. № 9. С. 20–25.
- Евдокимов В. Б. Об ограничении права гражданина Российской Федерации быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 46–48.
- Исаев И. А. Легитимность и легальность в конституционном праве // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.
- Казьмина Е. А. Народ как субъект конституционного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РГСУ, 2011. 24 с.
- Краснов М. А. Избиратель как должность // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 13–29. Doi: 10.21128/1812-7126-2017-4-13-29.
- Крольман М. Л. Партиципативная демократия: генезис современных форм и тенденции развития: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д: Ростов. гос. эконом. ун-т, 2014. 142 с.
- Лебедева Ю. Н. Граждане как субъекты избирательного права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток: Хабаров. гос. акад. экономики и права, 2003. 27 с.
- Мамут Л. С. Государство как публичновластным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 180–191.
- Матейкович М. С., Воронин В. В. Народ, гражданское общество, общественность как субъекты конституционно-правовых отношений // Право и политика. 2007. № 10. С. 85–92.
- Морозова Л. А. Современное прочтение теории государственного суверенитета // Государство и право. 2017. № 2. С. 53–59.
- Овсепян Ж. И. Суверенитет как естественное публичное право: о модификации представлений о природе и характере суверенитета, об этапах (поколениях) и направлениях его научных исследований // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 14–30. Doi: 10.12737/24097.
- Основин В. С. Советские государственно-правовые отношения. М.: Юрид. лит., 1965. 165 с.
- Чиркин В. Е. Конституция и современные модели публичной власти: идеологемы и реалии // Государство и право. 2011. № 6. С. 5–12.
- Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 184 с.
- Югов А. А. Единство и дифференциация публичной власти: система разделения властей // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 5–8.

Дмитрий Александрович Авдеев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета (Тюмень). 625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: d.a.avdeev@utmn.ru

Constitutional Dimension of Modern Russian Democracy

At present, when considering the democratic principles of Russian statehood, the problems of the legitimacy of the exercise of public authority come to the fore. It is declared that the only source of power are multinational people, but it becomes unclear what is actually meant by the «people» in a strictly legal sense. In the article the provisions of the constitutions of the countries of the post-Soviet space, as well as the norms of the constitutions (charters) of the subjects of the Russian Federation regarding the proclamation of the principle of democracy, are analyzed by comparative legal, logical and formal-legal methods, modeling methods.

It is detected that in the legislation, along with the concept «people», the terms «population», «nation», «voters» are used. These terms are replaced, which is not quite correct. The article examines the concept «people» with constitutional and legal positions. The author comes to the conclusion that this concept is ambiguous and coincides in its meaning with the concept «voters».

In this regard, the author raises the question of legal understanding of the concept «people» in the light of modern Russian legislation. It is necessary to distinguish between people's participation in the management of the affairs of the state (federal and regional levels) and in public administration (local, municipal levels), using various forms and institutions of democracy established by the law. At the same time, the subjective composition of participants in these levels of public administration differs and does not coincide with the universal category «voter».

Key words: people, nation, state power, voters, democracy, electorate, legitimacy, constitution

References

Avdeev D. A. Izbirатели как источник власти, или юридическое измерение категории «народ» [Voters as a Source of Power or Legal Measurement of Category «People»], *Sovremennoe pravo*, 2015, no. 11, pp. 25–30.

Avdeev D. A., Nifant'ev S. Yu. «Narod» как субъект государственно-правовых отношений: конституционный парадокс или власть подвластного? [«People» as a Subject of State Legal Relations: the Constitutional Paradox or the Power of the Dependency?], *Sovremennoe pravo*, 2016, no. 9, pp. 20–25.

Chirkin V. E. Konstitutsiya i sovremennye modeli publichnoy vlasti: ideologiya i realii [Constitution and Modern Models of Public Authority: Main Premises and Realities], *Gosudarstvo i pravo*, 2011, no. 6, pp. 5–12.

Evdokimov V. B. Ob ogranichenii prava grazhdanina Rossiiskoi Federatsii byt' izbrannym v organy gosudarstvennoy vlasti i organy mestnogo samoupravleniya [Restricting the Right of Citizens of the Russian Federation to be Elected to Bodies of State Power and Bodies of Local Self-Government], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2017, no. 10, pp. 46–48.

Isaev I. A. Legitimnost' i legal'nost' v konstitutsionnom prave [Legitimacy and Legality in Constitutional Law], *Istoriya gosudarstva i prava*, 2012, no. 6, pp. 2–6.

Kaz'mina E. A. *Narod kak sub"ekt konstitutsionnogo prava Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [People as a Subject of Constitutional Law of the Russian Federation: an auto-abstract of a candidate of juridical sciences thesis], Moscow, RGSU, 2011, 24 p.

Krasnov M. A. Izbiratel' kak dolzhnost' [The Voter as a «Function»], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2017, no. 4, pp. 13–29, doi: 10.21128/1812-7126-2017-4-13-29.

Krol'man M. L. *Partisipativnaya demokratiya: genezis sovremennykh form i tendentsii razvitiya: dis. ... kand. filos. nauk* [Participatory Democracy: the Genesis of Modern Forms and Tendencies of Development: a candidate of philosophical sciences thesis], Rostov-na-Donu, Rostov. gos. ekonom. un-t, 2014, 42 p.

Lebedeva Yu. N. *Grazhdane kak sub"ekty izbiratel'nogo prava Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Citizens as Subjects of Electoral Law of Russia: an auto-abstract of a candidate of juridical sciences thesis], Vladivostok: Khabarov. gos. akad. ekonomiki i prava, 2003, 27 p.

Mamut L. S. Gosudarstvo kak publichnovlastnym obrazom organizovannyi narod [State as a People Organized in a Public-Governed Way], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2000, no. 3, pp. 180–191.

Mateikovitch M. S., Voronin V. V. Narod, grazhdanskoe obshchestvo, obshchestvennost' kak sub"ekty konstitutsionno-pravovykh otnoshenii [People, Civil Society and Community as Subjects of Constitutional-Law Relations], *Pravo i politika*, 2007, no. 10, pp. 85–92.

Morozova L. A. Sovremennoe prochtenie teorii gosudarstvennogo suvereniteta [A Modern Interpretation of the Theory of State Sovereignty], *Gosudarstvo i pravo*, 2017, no. 2, pp. 53–59.

Osnovin V. S. *Sovetskie gosudarstvenno-pravovye otnosheniya* [Soviet State-Law Relations], Moscow, Yurid. lit., 1965, 165 p.

Ovsepyan Zh. I. Suverenitet kak estestvennoe publichnoe pravo: o modifikatsii predstavlenii o prirode i kharaktere suvereniteta, ob etapakh (pokoleniyakh) i napravleniyakh ego nauchnykh issledovaniy [Sovereignty as a Natural Public Right: Modification of Ideas about the Nature and Character of Sovereignty, about the Stages (generations) and Its Scientific Research], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, no. 2, pp. 14–30, doi: 10.12737/24097.

Salikov M. S. (ed.) *Etnichnost'. Kul'tura. Gosudarstvennost'. Problemy etnicheskogo federalizma v XXI veke* [Ethnicity, Culture, Statehood. The Problems of Ethnic Federalism in XXI Century], Ekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI, 2014, 184 p.

Yugov A. A. Edinstvo i differentsiatsiya publichnoi vlasti: sistema razdeleniya vlastei [Unity and Differentiation of Public Authorities: the System of Separation of Powers], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2017, no. 9, pp. 5–8.

Dmitry Avdeev – candidate of juridical sciences, associate professor at the Department of constitutional and municipal law, Tyumen State University (Tyumen). 625003, Russian Federation, Tyumen, Volodarskogo str., 6. E-mail: d.a.avdeev@utmn.ru.

Дата поступления в редакцию / Received: 07.11.2017

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 11.12.2017